

НОВАЯ ЗАПАДНАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ, ЭТИКА Д. БОНХЕФФЕРА И РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА

THE NEW WESTERN RELIGIOSITY, THE ETHICS OF D. BONHOEFFER AND THE RELIGIOUS AND MORAL TRADITIONS OF RUSSIAN SOCIETY

*M. Eldin
P. Bolmusov*

Summary: The article deals with the problem of the spiritual traditions of Protestantism. Protestant ethics characterizes the moral and cultural discourse of the interactions of spiritual and real reality through a new religious practice. The conclusions in the article are consistent with the influence of the new religious reality on society and its use of the spiritual and moral phenomenon of discipline with all the ensuing consequences. By the social type, Protestant morality understands the reality that can be generated both by the believer himself and by religious groups, and the interaction between individuals and social groups occurs through the spiritual and moral development of the dialogue of religious traditions.

Keywords: ethics, religion, Russian society, morality, D. Bonhoeffer, Protestantism, Orthodoxy.

Елдин Михаил Александрович

*д.ф.н., профессор, ФГБОУ ВО «Мордовский
государственный университет им. Н.П. Огарева»*

Болмусов Павел Алексеевич

*Аспирант, ФГБОУ ВО Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарева»
pabolmusov436@yandex.ru*

Аннотация: В статье рассматривается проблема духовных традиций протестантизма. Протестантская этика характеризует нравственно-культурный дискурс взаимодействий духовной и реальной действительности путем новой религиозной практики. Выводы в статье согласуются с влиянием новой религиозной реальности на социум и использованием им духовно-нравственного феномена дисциплины со всеми вытекающими последствиями. Под социальным типом протестантская мораль понимает реальность, которая может порождаться как самим верующим человеком, так и религиозными группами, а взаимодействие между индивидуумами и социальными группами происходит посредством духовно-нравственного развития диалога религиозных традиций.

Ключевые слова: этика, религия, российское общество, мораль, Д. Бонхеффер, протестантизм, православие.

На современном этапе развития христианской религиозно-нравственная традиция удалось сохранить свои уникальные основы морального развития человека европейского Запада, что все привлекало ученых и исследователей.

Известно, что во все времена люди обращались к религии. Достаточно длительный период времени формировалось религиозное правосознание, которое во многом основывалось на мудрости поколений, находящей свое выражение в слове. Толковать великие книги бытия, которые пришли к нам с очень давних времен, можно с различных точек зрения. В то же время, вечный характер данных книг явно свидетельствует о их бессмертии, а именно, о бессмертии той народной мудрости, которая в данных книгах отражена. Очевидно, что речь в данном случае идет не просто о каком-либо культурном явлении, так как в данном случае можно наблюдать само сердце культуры, если не сказать, сердце мира, которое затрагивает такие вопросы, как судьба, жизнь и смерть человека. Полагаем, что в данном аспекте, моральная стагнация имеет несколько деструктивный характер, что также отмечал в свое время К.Н. Леонтьев. Так, автор указывал, что «торжество консерватизма было для госу-

дарства слишком вредным, что также можно сказать и о смешительном прогрессе».

Буквально «ощущая» наступление бездуховности, К.Н. Леонтьев в своих трудах испытывал неподдельный ужас от того, что на Россию наступает европейская массовая культура. Удивляться от этого не приходится, так как К.Н. Леонтьев всегда не любил славян, попавших под европейское влияние и которые, как следствие, были развращены им.

Известно, что реформы Петра I коснулись абсолютно всех сфер общественной жизни, в том числе, сферу религиозную. Ключевым содержанием его преобразований было то, что все они были направлены на укрепление и на возвеличивание государства. Одновременно с этим, нельзя не отметить усиление крепостного гнета, что также является следствием всей деятельности Петра. Это напоминает порядок, действующий в Древнем Риме, так как на территории данного государства ключевым принципом явился «естественный закон» (*jus naturale*) – и его задача общее благо поданных. Христианская доминанта «Ищите же прежде царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. VI, 33) потеряла свою актуаль-

ность. Сравнив это с римской аналогией, можно обнаружить определенное сходство преобразований Петра с иконоборческой эпохой, когда интересам империи было подчинено все.

Примером является то, что в результате деятельности Петра имело место «европейничество». Изучением данного феномена занимался Н.Я. Данилевский, выдающийся русский славянофил XIX столетия. Так, изучив основные формы данного явления Данилевский выделил следующее: во-первых, в рамках данного явления можно наблюдать порчу и искажение всего народного быта, извращения национальной жизни и строя. Во-вторых, заимствование иностранных учреждений, причем таких, необходимость в которых отсутствовала. В-третьих, рассмотрение национально политики Руси через призму «иностранных очков», что порождает ситуацию, при которой иностранный интерес выходит на первый план. Стоит отметить, что если реформа вестернизации, проведенная Петром, оказала определенное влияние на культурный климат и дворянскую элиту, то последствия этого влияния были весьма неблагоприятными, так как они нашли свое выражение в усилении секуляризации церкви при Екатерине II и закреплении крестьян. Это позволяет сделать вывод о том, что такие последствия носили характер «фрагментирующего импульса». Однако нельзя не отметить такое положительное влияние, как философия Просвещения, которая обогнула всю Европу и впоследствии оказала влияние и на Россию, причем назвать это влияние неблагоприятным весьма затруднительно.

В 1762 г. Екатерина II подписывает манифест «О позволении иностранцам селиться в России и свободном возвращении русских людей, бежавших за границу». В соответствии с данным документом, все агенты русской империи приобретали возможность сагитировать и направить в Россию 14960 человек, что впоследствии образовало половину общей численности всех колонистов, прибывших в Россию и 56 % лиц, которые были поселены на территории современного Саратова

К числу ключевой задачи правительства при переселении в Россию всех колонистов из стран Запада, стоит отнести развитие земледелия за их счет. В то же время, поволжские немцы никоим образом общую культуру земледелия не усовершенствовали, но достаточно хорошо усвоили русскую общинную систему в сфере землепользования.

Основная льгота колонистов состояла в свободе вероисповедания. Однако возведение зданий костелов и кирх, а также содержание пресвитеров и пасторов было разрешено лишь в тех местах, где иностранные граждане поселились колониями, причем если все они принадлежали одной конфессии. В то же время, колонистам

было запрещено склонять православное население к принятию их веры, а наказание за это наступило бы по всей строгости законов Руси. Представляется вполне естественным, что склонять к принятию христианства, в свою очередь, разрешалось спокойно. Кроме того, было разрешено брать мусульман в крепостные.

Все группы колонистов, которые были приглашены жить в Россию Екатериной II, относились к лютеранам, а также к католикам римского обряда. Например, на территории Саратова, где проживали поволжские немцы, $\frac{3}{4}$ были протестантами и $\frac{1}{4}$ католиками, однако в живых их осталось совсем немного, так как поселение было разграблено при Пугачевском бунте 1774 года.

Достаточно интересным обычаем поволжских немцев можно назвать то, что у них действовал так называемый обряд «венчания покойников». Ритуал относился к погребальным обрядам, а суть его состояла в том, что умершие девушки и младенцы априори относились к ангелам и хоронили их в свадебных нарядах. Стоит отметить, что церемонии подобного рода были торжественными и имели только незначительные элементы траура. Что касается похорон иных лиц, то покойников хоронили разутыми и открытое выражение скорби порицалось членами общины. Также немцы отмечали праздник урожая и Пасху. Считалось, что сладости детям в Пасху приносил Пасхальный заяц.

В моменты достаточно существенных переломов и потрясений, которые так или иначе возникали в рамках общественного развития, а обусловлены были изменениями условий и образа жизни людей, изменением их ценностей и материальных потребностей, возникшими противоречиями, экстремизм выступает в качестве опасной и трудно изживаемой формой общественной жизни. Изменить данную ситуацию, когда отмечают исследователи и ученые, вполне возможно именно в России, однако данное мнение является весьма дискуссионным. Более того, при осуществлении деятельности такого рода ни в коем случае нельзя забывать о том, что попытки приблизить Россию к цивилизации европейских стран не должны порождать утрату Россией своих собственных ценностей и начал. Однако проведя исторический экскурс можно увидеть, что на протяжении ее истории были частые увещевания народа Руси о том, что ей стоит отказаться от национальных начал и основ для того, чтобы слиться с цивилизацией Европы. Очевидно, что такие уговоры являются опасными и ошибочными, что также отмечалось в научной литературе. Во многом это обусловлено тем, что в данном случае образ России будет глубоко искажен, Россия утратит свою самобытность и в конечном счете попросту уничтожит саму себя.

Известно, что все лидеры сект активно используют духовную, а также психологическую неустойчивость,

а также неопытность граждан для того, чтобы достичь цель своего личного обогащения и захвата власти над ними. В связи с этим, всем участникам встречи были даны рекомендации о том, как разрешить такие ситуации и куда можно обратиться за помощью в случае, если человек стал жертвой такой секты. Стоит отметить, что эта проблема является достаточно острой, так как нелегко вернуть адептов тоталитарных сект к обычной жизни.

Несмотря на свой локальный характер, обсуждение, которое состоялось в рамках просветительской деятельности, стало отражением таких социокультурных и этноконфессиональных процессов, как растущее общественное недовольство прозелитической деятельностью сектантских религиозных течений, межкультурный диалог православного христианства и ислама, социальное партнерство государственных структур с традиционными конфессиями, которые интенсивно развиваются в России со второй половины 1990-х гг.

На сегодняшний день конфессиональная и национальная нетерпимость на территории России усиливается. Стоит отметить, что среди лиц, которые находятся в возрасте 16-17 лет, она в 3 раза выше, чем у поколений старшего возраста. На современном этапе развития стало модным говорить о том, что «в США дело обстоит иначе». Однако такие парадигмальные определения в принципе не подходят для нашей страны, так как у нас культурные ценности совсем другие и руководствоваться ценностями США не стоит, так как в этом случае Россия превратится просто в еще один штат США. Нельзя не согласиться с тем, что мировые стандарты могут быть и положительными, но лишь до того предела, пока они не несут угрозу разрушения для культуры нашей страны и не направлены на то, чтобы люди массово покидали Россию. Как следствие, только реальное отношение к существующим возможностям дальнейшего развития российского общества должно выступать в качестве критерия для полного понимания той религиозной ситуации, которая сложилась сегодня.

Социологами проводилось исследование, состоящее в опросе и в анкетировании граждан разных возрастов с целью определения их уровня знаний в сфере восточных и тоталитарных культов, различных христианских движений. Большая часть опрошенных граждан указала, что необходимо срочно принять необходимые государственные меры для того, чтобы закрыть все протестантские и тоталитарные религиозные общины. Респонденты объяснили это тем, что они сами или их знакомые попадали под влияние «сект». Действительно, данная позиция населения страны вполне обоснована и определенные законодательные меры ужесточения их регулирования можно назвать объективной необходимостью. В частности, стоит официально разрешить преподавать в школах Осно-

вы православия, так как это позволит избежать попадания в секты в дальнейшем.

Безусловно, государственная религия в такой поликонфессиональной стране как Россия неприемлема. Однако вопрос о том, какие религиозные традиции можно признать в качестве приемлемых для наших граждан, решить весьма затруднительно. Так, для его решения стоит принимать во внимание тот факт, какие религиозные традиции занимают особое место в отечественной истории и культуре и какие из них являются значимыми для российского общества. Не менее сложными являются также все вопросы, которые связаны с атеизмом.

Усложнение общественного сознания и социальных институтов, во многом обусловленное усложнением религиозного сознания населения и культовой деятельности, породило ситуацию, при которой они едва ли могут успешно функционировать в рамках прежних институтов и отношений. Постепенно вместе с самоопределением других надстроечных систем происходит самоопределение религиозной системы. Этот процесс связан с конституированием религиозных отношений.

В развитой форме религиозные организации являются достаточно сложным социальным институтом. Его внутренняя структура представлена организационно оформленным взаимодействием разнообразных систем, а функционирование каждой из этих систем тесно взаимосвязано с формированием социальных организаций, которые также стоит отнести к социальным институтам. Например, на уровне церкви достаточно четко разделены управляемая и управляющая подсистема. Так, управляющая подсистема состоит из группы людей, которые занимаются первоначальной выработкой и последующей переработкой социальных ценностей.

На фоне стремительного роста и многообразия всего мирового сообщества, порождающего столкновение и постепенное нарастание «мультикультурности» в рамках самих региональных культур и этносообществ, а также к появлению новых тенденций между отдельными их частями в обществе, идея новых христианских цивилизаций Д. Бонхёффера в последнее время все чаще подвергается переоценке. Особую роль в данном случае играет анализ культурно-исторического опыта Западной Европы и России, а также ее социального и культурного наследия, религиозных, а также нравственных традиций, равно как наследия гуманистического потенциала неорелигиозной этики.

В общем виде концепция «безрелигиозного христианства» русскими и западными богословами выходит на первый план в творчестве Бонхёффера в связи с тем, что она является весьма показательной для развития всей христианской мысли XX столетия.

Второй подход к изучению наследия Дитриха Бонхеффера связан с изучением его труда «Nachfolge» («Хождение вслед»). В данном случае в центре всей теологии заложена личность Христа, причем реального, который живет в одном мире с человеком и призывает к себе любого, кто способен услышать его зов. Понятия «дешевой» и «дорогой» благодати, «следования Христу», в этом случае являются базами ранней теологии Бонхеффера. Стоит отметить, что он был сам себе практик и не был теоретиком, его богословие не содержит каких-либо рассуждений философского характера о словах Христа, что встречается у Тиллиха. С понятием следования Христу соединяется и мысль о будущем вероятном «безрелигиозном христианстве», которое вполне может выступать в качестве формы следования Церкви будущего Христу. «Бог дает нам понять, что мы должны жить, справляясь с жизнью без Бога. Бог, который с нами, есть Бог, который хочет, чтобы мы жили без рабочей гипотезы о Боге, есть Бог, перед которым мы постоянно пребываем. Перед Богом и с Богом мы живем без Бога. Бог позволяет вытеснить себя из мира на крест. Бог бессилен и слаб в мире, но именно в этом и только через это Он с нами и помогает нам».

Важен и следующий момент: многие идеи и мысли Бонхеффера остались недосказанными, а многие его труды так и не были им закончены. Более того, во многих своих трудах он сам отмечает незаконченность и неточность своих выводов. Как справедливо отметил Карл Барт, «Бонхеффер поставил много вопросов, на которые не успел ответить; письма из тюрьмы представляют только одну (в данном случае конечную) остановку в его интеллектуальном и духовном пути, пути, который был очень беспокойным с самого начала, хоть это и не было его целью. Он мог еще развиваться в абсолютно другом направлении. Мы несправедливы к нему, когда мы вдруг помещаем его в один ряд с Тиллихом и Бультманом».

Приводимая ниже попытка систематизации богословских идей Бонхеффера построена вокруг его трудов, которые раскрывают именно вероучительные вопросы – христологические, экклезиологические, этические, эсхатологические.

Понимание идеи гуманизма в ее когнитивном измерении, а также в качестве полностью сознательной ориентации лишь на положительное восприятие и отношение к людям, позволяет нам обосновать ее высокую значимость как для всего общества в целом, так и для конкретного человека. В рамках данного понятия она имеет определенное значение для развития такой сферы разума, как культурный интеллект, а также для эмпатии, что уже относится к психологическим характеристикам. Кроме того, она активно содействует тому, чтобы утвердить независимость и свободу человека в духе эпохи просвещения, что является освобождением

от диктата и разума от таких механизмов, как предрасудки и убеждения, являющиеся коллективными. В то же время, все это направлено на совершенствование человека, что оценивается весьма положительно.

В данную концепцию гуманизма активно вовлекаются феномены, которые имеют различную природу. Именно это позволяет этой концепции выйти за рамки типичного понимания гуманизма как мировоззренческой концепции, а также раскрыть содержание на всех основных уровнях морали. Отметим, что на уровне моральных представлений она будет раскрываться в виде обоснования естественной значимости принятия человеком основных идей и концепций гуманизма, что необходимо для развития у него как эмпатии, так и культурного интеллекта. На уровне восприятия и отношения к людям (к социальной реальности) и поведения она раскрывается принципами гуманизма, а на уровне феноменов воли она раскрывается волевым актом сознательного принятия идеи того, что ценность человека является высшей. На уровне общественных отношений данная концепция раскрывается своей ориентацией на то, чтобы выстроить оптимальные и продуктивные отношения людей друг с другом, что относится к третьему принципу гуманизма. На уровне личностных качеств – культурным интеллектом, эмпатией, открытостью новому опыту, потребностью в контроле ситуации, глобальной идентичностью. На уровне ценностных значений – признанием высшей ценностью человека. На уровне нравственной необходимости – сознательным контролем над тем, что чем человек говорит и как рассуждает, в том числе, о людях в целом и о влиянии людей друг на друга. На уровне морального языка – риторикой обеспечения и защиты достоинства, прав и свобод человека, утверждения необходимости людям относиться друг к другу в духе братства.

В конце XIX в. вновь стала острой проблема выбора между инструментарием исследования этики религиозных концепций: историцизма, эволюционизма и традиционализма. Рассматривая тему функций религии в духовной жизни человека, неопротестантский теолог и философ Пауль Тиллих отмечал, что «религия — не особая функция духовной жизни человека, а составляющая глубины всех ее функций».

Вместе с тем после ознакомления с книгой К.Р. Поппера «Нищета историцизма» нельзя более не отметить существенных объяснительных недостатков самого исторического метода. С 60-х годов XX в. неодарвинизм, социал-дарвинизм, подвергается энергичной критике со стороны научного креационизма и заметно теряет привлекательность у широкой публики и естествоиспытателей. В конце XX в. в современном социуме стал происходить религиозный Ренессанс, а государственный протекционизм религиозности был ослаблен. Наконец, в связи с обострением в мире интереса к фундаментализ-

му и традиционализму идея эволюционного прогресса общества все более стала уравниваться обратной идеей магистрального общественного регресса.

На территории современной России, каждый исследователь, который занимается религиозными вопросами, в полной мере ощутит указанные альтернативы, причем, начиная с предложения, связанного с признанием высшей религиозной истины за Русским православием и закачивая искушением, связанным с желанием найти славянскую подлинность в древней, еще дохристианской традиции. Отсюда возникает закономерный вопрос: а возможна ли золотая середина между альтернативами подобного рода или исследователь должен обратиться только к одной из них? Очевидно, что ответ на данный вопрос является достаточно сложным и ответ на него можно дать только в форме антиномии.

Если рассматривать современное религиозное сознание, то будет возникать достаточно сложная панорама моральных и религиозных взглядов жителей России. Очевидно, что исследователь общественного сознания, который остановится именно на моральном сознании, не сможет уверенно заявить о том, что ученых стоит отнести к аморальным гражданам, а иных людей к убежденным моралистам. Во многом это обусловлено тем, что сегодня есть великое множество людей, которые живут в ситуации постоянно изменяющейся динамики нравственного бытия социума, а также неверных и болезненных представлений, установок и ошибочных, зачастую предвзятых мнений. В связи с этим, обоснованным видится наблюдение о духовности и о соотношении ее с ценностями социального характера, на чем акцентировал внимание Л.Н. Столович. Он указывал, что «по сути дела, все духовные состояния человека, связанные с актуализацией ценностей...».

На этом фоне особенную значимость в рамках изучения современного положения всех традиций отечественной духовной культуры приобретает выполнение ими регулятивной функции. Стоит отметить, что в указанном аспекте традиции религиозной этики имеют единоподобный вектор воздействия, состоящий в том, чтобы исцелить душу человека. Это относят к особенностям конфессиональной культуры, в рамках традиций православия, что также нашло свое отражение в основных памятниках древнехристианской литературы. Вот как о необходимости морального значения веры как фундамента нравственной культуры человека писал еще Иоанн Дамаскин: «... вне веры спастись невозможно, потому что все: как человеческое, так и духовное основывается на вере. Ибо без веры ни земледелец не разрезывает борозды земли; ни купец на малом дереве не вверяет своей души беснующейся бездне моря... Верую уразумеваем, что все приведено из небытия в бытие... верую правильно совершаем все дела- как божеские, так и человеческие».

Верной является позиция, высказанная новейшим отечественным исследователем В.Н. Шердаковым о том, что уже в новозаветных текстах отмечается нравственная ценность веры: «Добродетельный образ жизни вытекает из веры. Верить, жить по вере, свидетельствовать о веретакковы основные обязанности религиозного человека». Полагаем, что данная особенность религиозной этики продолжила свое бытие не только в мировой, но и в русской традиции ряда духовных деятелей. Как следствие, достаточно высокие достижения религиозно-нравственной культуры протестантизма, православия в условиях развития культуры России могут заставить нас вновь обратиться к тому, что ценности религии по праву выступают в качестве нравственного побудительного мотива всей социальной деятельности в духовной сфере.

Одновременно с этим, для религиозного сознания достаточно характерна свобода воли, которая не получила должного развития, в связи с чем, в этом случае трудно ощутить себя в качестве субъекта морали и соотнести свои устремления со стремлениями социальной общности. Так, во многих социальных обществах можно наблюдать распад традиционных ценностных установок, в том числе тех, которые влияют на конструктивные человеческие ценности. Как справедливо указывал К.Г. Юнг, «моральное и интеллектуальное понимание на уровне фиксации дурмана и отсутствия ответственности массового человека является атомизацией индивида».

Очевидно, что в рамках осмысления процессов, направленных на социокультурное развитие вне рамок исторических явлений, весьма трудно и неверно анализировать особенности наследия духовности. В частности, на нравственную культуру особое влияние оказывает исторический путь развития того или иного народа. В этом плане важно отметить, что особую значимость в рамках современного положения религиозно-нравственных традиций духовности приобретает наличие у них регулятивной функции, о чем уже говорилось ранее. В этом плане неопротестантское этическое наследие имеет только один вектор развития, состоящий в том, чтобы упорядочить душу человека. Данная особенность особо подчеркивалась в трудах П. Тиллиха. Р. Бульмана. Д. Бохеффера.

Известно, что религиозное сознание индивида во многом ориентировано на нематериальные, если не сказать, на сакральные ценности, которые могут существовать за рамками объективного мира. Как следствие, для него нормально наличие так называемого «иного мира». В связи с этим, нами была оценена специфика и роль протестантской традиции всего религиозного пространства стран Западной Европы на фоне сохранения ряда протестантских ценностей в сфере гуманизма и человечности. Полагаем, что духовный кризис членов современного общества во многом обусловлен девальвацией тради-

ционных духовно-нравственных ценностей, что можно расценивать как фрагментацию традиционных ценностей и механизмов, свойственных социокультурным отношениям современности. Стоит отметить, что это обстоятельство будет привлекать определенное внимание к решению проблем, непосредственно связанных с нравственным кризисом современного общества в рамках парадигмы традиций этики неопротестантизма.

В данном контексте христианство едва ли можно рассматривать как более человечное по сравнению с западным, так как перед религиями Запада или Востока, оно не обладает какими-либо преимуществами. Причины этого стоит поискать в ключевых особенностях нравственно-религиозной традиции, которая породила феномен социального идеала, который получил название «Христианского мира», а так же в той исторической обстановке, которая сегодня определяет пути для развития духовной культуры общества. Стоит отметить, что именно стремление к тому, чтобы спокойно и мирно ужиться в окружении разных религий, является сегодня одним из основных. Примером такого стремления является взаимодействие российской этики и этических традиций неопротестантизма.

Приходим к выводу, что интерес к религиозной этике является сегодня очевидным и достаточно значимым. Одновременно с этим, сегодня сохранена опасность того, чтобы утратить фактическое содержание проблемы, причем в тех случаях, когда рассуждения о религии и морали можно назвать скорее идеологическими или даже политическими и политиканскими. Однако это не исключает того, что абсолютно любая проблема может трактоваться как мифологически, так и идеологически и реалистически, с подкреплением научными знаниями.

Одним из возможных способов понимания проблемы

взаимодействия религии и морали, является такой способ, как изучение причин, которые нас сегодня вынудили рассматривать особенности российского национального характера. Одной из таких причин также являются наши современные реалии. Привычки и национальные привычки россиян настолько впечатляют, а иногда и озадачивают и находят свое выражение в политике, экономике и в общественной жизни. Как следствие, это не может не заинтересовать всех исследователей. Одновременно с этим, налицо и такие причины данного явления, как ломка старых ценностей, а также стереотипов поведения и мыслей, невозможности понять то, что сейчас происходит в России на фоне прежнего понимания общества.

Также на основании изложенного выше стоит максимально полно и емко рассмотреть категорию менталитета. Известно, что религиозной традицией называют память народа о прошлых событиях, равно как их психологическую детерминанту в части поведения миллионов людей, которые верны исторически сформированному коду. Причем эта верность сохраняется у них в любых обстоятельствах, даже в самых сложных. Как следствие, в данном аспекте можно говорить о том, что проблема менталитета относится к идеологическим проблемам, но в то же время и к социально-историческим, которая способна объяснить особенности национально-государственного существования, в том числе, России.

В завершении стоит акцентировать внимание на том, что в современном российском обществе имеет место разрыв поколений, который в полной мере отражает разрыв всего исторического развития. Так, изменения условий социального характера, равно как смена общественных ценностей, неизбежно порождают ситуацию, при которой механизм воспроизводства ценностных ориентаций уже не является основным и уступает свое место различным механизмам адаптационного плана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры./ Пер. с греч. - М.: Лодья, 1998. - С.285-286.
2. Шердаков В.Н. Иллюзии добра: Моральные ценности и религиозная вера.- М.: Политиздат, 1982.-С. 174-175.
3. Юнг К.Г. Божественный ребенок: аналитическая психология и воспитание/Сб.-М.: Олимп, 1997.- С. 191.
4. Столович Л.Н. Философия. Эстетика. Смех.- СПб.: Тарту., 1999.- 384 с.С. 93.
5. Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М.: Республика, 1995. С. 239.
6. Онхедфер Д. Сопrotивление и покорность. – М., 1994, С. 65
7. Цит.по: Andre Dumas, «Dietrich Bonhoeffer: Theologian of Reality» - London, 1996, P.270
8. Выдержки из статьи «Протестанты Поволжья» на сайте: «svitlo.net»
9. Лиценбергер О.А., Ерина Е.М. «Аннотированная опись дел Коллекции документов римско-католических церквей (1789-1934 гг.)». Саратов, 2004.
10. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство/Предисл. Ковыневой: комм. Свящ. А. Задорова.- М.: изд-во Сретенского монастыря, 2010.-280 с., С.404.

© Елдин Михаил Александрович, Болмусов Павел Алексеевич (pabolmusov436@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»